

А.П. Ефремов

БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС — ВЫЗОВ ИЛИ ТЕХНОЛОГИЯ?

В Российском университете дружбы народов в разгаре эксперимент по апробированию «болонской схемы» организации учебного процесса. Студенты уже двух курсов сами составляют свои учебные планы, выбирают и набирают кредиты, вместо экзаменационных сессий штурмуют бастионы рейтинговых систем контроля знаний. Сотрудники деканата ломают голову над трудным расписанием занятий. Преподаватели интенсивно трудятся над методическими материалами и наполняют ими учебный портал. Тьюторы тщательно отслеживают правильность действий. Экономисты высчитывают стоимость кредитов и зарплаты всех вовлеченных лиц. Процесс начался и идет. Но ни у кого нет иллюзий, что он уже налажен. Это пробы — трудные и мучительные.

Наверное, «болонскую схему» имеет смысл описывать тогда, когда она заработает как часы. Но меня попросили сделать это именно сейчас, в начале пути, чтобы рассказать о тех трудностях, которые ждут собравшихся в путь, и прокомментировать структуру и смысл предлагающихся изменений. Заодно изложу здесь свои взгляды на ряд дискутируемых проблем высшего образования.

Вопросы
к Болонскому
процессу
и к самим себе

Отечественные университетские люди, наверное, ни о чем сегодня так часто не говорят и не спорят, как о Болонской декларации и одноименном процессе. Крайние мнения слышны громче всех: «Скорее туда, в Европу! Нужна гармония российского образования с европейским!» — «Да ни в коем случае! Потеряем фундаментальность высшей школы!». Совсем недавно мне принесли анкету опроса, проведенного среди руководителей вузов институтом, имеющим в титуле ссылку на принадлежность государственному органу управления образованием. И вопрос о Болонском процессе

А.П. Ефремов
Болонский процесс — вызов или технология?

был поставлен там в таком разрезе (передаю несколько утрированно, но за точность смысла ручаюсь): «Для чего в Болонском процессе понадобилась Россия: чтобы заманить в Европу отменных российских специалистов и ученых, которых там не хватает, или чтобы могучим евроазиатским плечом оттеснить на вторые роли зазнавшиеся американские университеты?». Нет у составителей других вариантов. Ищут подвох, опасаются.

Лично мне это представляется весьма странным. Европейская культура, хотим мы того или нет, влияла и будет влиять на все страны мира. Россия всех времен — не исключение: историю, в том числе новейшую, помним, заимствованного перечислять не будем. Поэтому вполне закономерно, что нынешняя волна реформ высшего образования, накрывающая Европу, живейшим образом нас интересует. Но если раньше мы перенимали все подряд, сегодня, надеюсь, времена изменились. Нажит опыт, есть способности к анализу и пока хватает времени, чтобы определиться с действиями: поставить на пути этой волны железобетонную плотину или же направить ее по шлюзам и каналам в нужное русло.

Основные составляющие процесса: зачем и что

Для выработки рационального отношения к Болонскому процессу и получения возможности грамотно планировать меры, наверное, следует сначала ответить на ряд вопросов: что лежит в основе Болонского движения, какова его глубинная суть? В чем состоит Болонский процесс, какова его технология? Зачем нужно российским университетам втягиваться в этот процесс? Попробуем в них разобраться.

Зачем понадобилась Болонская декларация? Рискую услышать критику со стороны любителей искать подкопы под отечество, выскажу такую точку зрения: и экономическое, и политическое объединение европейских стран, активно происходящее в последнее десятилетие, имеет целью не ослабить «противника» на востоке или на западе, а усилиться самим. Стать не менее существенным полюсом мирового развития, чем те, что задавали тон во второй половине прошлого века. Тогда разрозненная Европа испытывала сильнейший дискомфорт от близкого опасного соседства и в целях безопасности подстраивалась под чужую военно-политическую «крышу», экономику и даже культуру. Когда глобальное противостояние ослабло, отпала и необходимость играть второстепенные роли. Началась быстрая общеевропейская интеграция, и Болонский процесс — один из ее заключительных этапов. Европейские страны объявили о необходимости создать общее пространство высшего образования и стали достаточно быстро продвигаться к реализации этой

трудной цели. Министров образования 29 стран Европы, подписавших заявление 19 июня 1999 года в Болонье, меньше всего интересовало, как бы побыстрее разрушить российские университеты и их научную фундаментальность.

Другой вопрос: что нужно сделать в Европе, чтобы создано это самое общее академическое пространство? Скажу сразу: сделать нужно намного больше, чем у нас в Российской Федерации, потому что каждая из нескольких десятков европейских стран, даже самая небольшая, имеет свою культуру, традиции, менталитет — и, конечно, свою систему образования, в том числе высшего. Более того, случается, что в разных университетах одной и той же страны студентов учат очень по-разному, а иногда и совсем разным вещам. Российский же регион, наоборот, в высшем образовании демонстрирует полное согласие — и в содержании учебных программ, и в формах обучения, и в выпускных документах, и в признании степеней.

Суть начавшихся преобразований выражается двумя словами: унифицировать форму. В Болонской декларации, а потом в Пражском (2001 год) и Берлинском (2003 год) коммюнике министры образования объявили: к 2010 году системы высшего образования всех стран-участниц должны быть внешне похожи. Это, по сути, означает, что во всех странах и университетах должны быть выполнены всего три формальные позиции:

- введены общие степени и квалификации, подтверждаемые соответствующими документами;
- принята единая схема обучения, включающая три уровня (или цикла) профессиональной подготовки: два первых на студенческом, последний — на докторском уровне;
- установлена общая система учета и оценки освоения студентами дисциплин и образовательных программ.

Эти, казалось бы, несложные для понимания и выполнения пункты, однако, требуют комментария.

Первое (и, пожалуй, главное), что не замечается или сознательно упускается при обсуждении Болонского процесса в нашей стране: речь идет вовсе не о том, чтобы в разных странах и университетах выдавать выпускникам одинаковые дипломы, и тем более не о том, чтобы признавать дипломы разных университетов. Их как выдавали, так и будут выдавать разными. Речь о том, чтобы установить общий порядок в определении различных степеней и квалификаций, имеющихся в Европе и создать документ общего вида, называющий степень или квалификацию выпускника университета (это не что иное, как хорошо знакомое нам в России Приложение к диплому).

Второй комментарий — об уровнях обучения. Вопрос, почему выбрана двухуровневая система, весьма похожая на британскую, интересен, но сегодня звучит скорее риторически. Европа сделала выбор, а в недалёковидности и скоропалительности решений обвинять ее не нам. Не исключено, что был принят во внимание совсем неплохой опыт Канады, Индии, США, Австралии, где миллионы людей, получив по выбранному направлению профессиональной подготовки общее высшее образование без глубокой специализации (*undergraduate*), легко находят свое место в жизни, не помышляя о продолжении обучения. И при этом отлично справляются с работой. Другие — их существенно меньше — продолжают учиться и выпускаются после специализации в узкой области избранного направления (*graduate*). Третьи, нацеленные на исследовательскую деятельность, идут учиться на последний, докторский цикл. Чаще всего между периодами обучения на разных уровнях человек успевает хорошо поработать. Такая схема, с одной стороны, дает возможность получить высшее образование широкому кругу граждан, а с другой — имеет высокий коэффициент полезного действия с позиции как интеллектуальных, так и экономических затрат. В Европе, видимо, согласились с тем, что это насилие над личностью и здравым смыслом — втолковывать «твердому троечнику» теорию Эйнштейна и динамику плазмы, без которых он не получит сегодня в Париже диплом физика. А завтра, освоив курсы гуманитарных наук, необходимой математики, классическую и квантовую механику, электродинамику и статистическую физику, он получит первую академическую квалификацию и может ехать в родной город учить детей в школе. Кстати, в Болонской декларации ни разу не употребляется слово «бакалавр» — его для краткости описания первого уровня подготовки стали произносить и писать позже. Более того, ни в одном болонском документе не говорится, что срок обучения на первом уровне должен быть определен строго в три года. Сказано — «не менее трех лет», так что никто не запрещает учиться на первом уровне и четыре года (как у нас и во многих университетах США). Однако следует иметь в виду, что слишком длинный срок обучения усложняет трудоустройство: те выпускников одинаковой квалификации, кто учился на год меньше, занимают рабочие места первыми.

Теперь комментарий к третьей позиции. Нужна общая и всем понятная система учета трудозатрат студента и качественная оценка того, как он усвоил каждую дисциплину и учебную программу данного уровня в целом. Если еще короче: что студент «прошел» и какую оценку он за это получил. Такая система в Европе есть —

это Европейская система перевода кредитов (European Credit Transfer System — ECTS), разработанная в 1989 году в рамках международной программы Эразмус (Сократос). Система ECTS проста, понятна и полностью формализована. В течение многих лет она успешно использовалась как вспомогательный инструмент для пересчета учебной трудоемкости и оценок студента, если он переходил из одного европейского университета в другой. Изучив мировой опыт, разработчики посчитали, что удобнее измерять трудоемкость не в часах аудиторной и самостоятельной работы — они разные в зависимости от способностей студента, — а в некоторых абстрактных зачетных единицах — кредитах, характеризующих объем знаний. ECTS также предлагает оригинальную схему качественной оценки успеваемости студента, определяемую на статистической основе и имеющую 7 различных градаций. Принимая все это во внимание, документы Болонского процесса настойчиво рекомендуют систему ECTS в качестве образца для общеевропейского академического пространства.

Трем основным позициям Болонской декларации сопутствуют пожелания и требования, которые считаются неотъемлемой частью процесса. Главное — расширение академической мобильности студентов, преподавателей, ученых и сотрудников университетов. Имеется в виду не просто поездка в гости или на стажировку — речь идет об учебе и работе в течение заметного срока. Для расширения возможностей таких контактов весьма поощряется создание общеевропейских образовательных программ. Это очень важный пункт, подразумевающий согласие не только в форме, но и в содержании обучения.

Здесь полезно краткое отступление. Выступая год назад на пленарном заседании Зальцбургского семинара, где обсуждались проблемы вхождения России в Болонский процесс, я сказал, что в России многие проблемы единства академического пространства решены введением государственного образовательного стандарта, и предложил коллегам когда-нибудь в будущем (!) обсудить возможную форму аналогичного общеевропейского инструмента. Это предложение вызвало резко отрицательную реакцию ряда представителей стран Европы. Они просто проигнорировали сделанный акцент на форме стандарта и с определенностью заявили, что никакие эталоны содержания обучения невозможны. В этой короткой полемике проявилось основное противоречие Болонского процесса, до сего дня сдерживающее его быстрое развитие — противоречие в национальных и даже внутринациональных этнических позициях содержания обучения. В Англии и Шотландии не

А.П. Ефремов
Болонский процесс — вызов или технология?

только учебные программы, но даже и сроки обучения на похожие степени разные. Это противоречие в Европе снимется очень скоро. Поэтому в «болонских» документах многократно подчеркивается уважение к национальным особенностям, традициям и школам — как благое (но, видимо, тщетное) пожелание, чтобы грядущая глобализация не стерла сегодняшнего богатства национальных различий.

Важное требование Болонского процесса — непременно и активное участие студентов во всех университетских делах, влияние студенчества на ход университетской жизни. Особенно четко это требование выделяется в документах, характеризующих ход развития Болонского процесса, — в Пражском и Берлинском коммюнике министров образования стран-участниц. Здесь культивируется главная мысль, заложенная в идее объединения: нынешние студенты — граждане завтрашней объединенной Европы. Они должны перемещаться в этом пространстве свободно и чувствовать себя хозяевами. Университеты же и другие учреждения высшего образования в новой схеме организации жизни обязаны всемерно студентам содействовать, выполнять сервисные функции. На первый взгляд ординарное, это требование Болонского процесса, наверное, впервые в истории официально призывает все университеты Европы относиться к студентам не как к подчиненным школярам, а как к уважаемым клиентам, справедливо и рационально распределить роли преподавателей и учеников в общем и необходимом для них действе — профессиональной подготовке высшего уровня.

Но тут все оказывается не так просто. За вуалью идей справедливости и забот о судьбе будущих поколений скрывается ухмылка исторического периода, звук имени которого столь мил нашему слуху: перестройка. Перестраивать, к счастью для европейцев, им придется только высшую школу и только в тех странах, где она того требует. Но мало того, что нужно вводить многоуровневую схему профессиональной подготовки и систему кредитов. Эта последняя вовсе не сводится к пересчету часов в зачетные единицы и разработке формы выпускных документов. Поскольку теперь студент — клиент, вуз должен сделать так, чтобы ему (студенту) было бы не только чему учиться, но и удобно учиться. Иными словами, студенту следует предоставить возможность лично участвовать в формировании его образовательной траектории, которая существенным образом может отличаться от пути, который избрал его товарищ, обучающийся по той же специальности, в том же университете и в тот же период. Имеется в виду та же британская схема, когда студент — в допустимых пределах — выбирает кредиты и составляет свой индивидуальный учебный план, но,

выполняя его, серьезно отвечает за свой выбор и свое отношение к учебе. Ничего подобного не было ни в Германии, ни в Австрии, ни во Франции; но эти и другие страны все же согласились принять чужую для них схему. (Как видим, не только на Россию распространяется «влияние Запада», не всегда, кстати, «тлетворное».)

Смена организационной структуры учебного процесса — это, конечно, перестройка, но, как показывает исторический опыт, за перестройкой с неизбежностью следует революция, в данном случае в образовании, пусть и тихая, без большой пальбы, но революция. Изменение структуры процесса должно повлечь изменение структуры самой организации, а это революция. Иначе не выдержит экономика, и верхи не смогут, а низы — не захотят; но об этом — в конце данных аналитических записок. Революций без потерь не бывает. Это мы хорошо знаем; тем более это знают в Европе. Но если денежные потери легко обозвать инвестициями в грядущие поколения и образовательные технологии (и законно списать), то снижать качество подготовки профессионалов не хочется никому — это чревато падением экономики с вытекающими отсюда последствиями. Поэтому Болонский процесс сопровождается еще одним громким лозунгом: «Поддержим и повысим качество образования!». Говорить и писать о качестве — такой неуловимой, но желанной субстанции — можно много, но дело это неблагодарное. Времени и бумаги уходит уйма, а признания твоих писательских заслуг не дождешься. Поэтому в Европе эти тонкие абстрактные материи решили свести к грубым земным аккредитационным и сертификационным критериям и поручили наднациональной организации — Сети европейских агентств гарантии качества в сфере образования (ENQA) — к 2005 году разработать общую схему, и попытаться применить ее на показательных примерах. В настоящий момент ENQA усиленно работает, но промежуточные результаты не публикует и на запросы по этой теме не отвечает.

Завершая обзор «болонских» пожеланий, нельзя не упомянуть о всеобщей озабоченности проблемами повышения квалификации, переподготовки или даже смены специальности в среде взрослого населения. Эти направления обучения в нарождающемся образовательном пространстве также признаются приоритетными и относятся к сфере деятельности университетов. Здесь также весьма рекомендуется применение системы кредитов, такой как ECTS, но высказывается настойчивое пожелание, чтобы такая система была не только — и не столько — переводной, но и накопительной. Это означает, что все ранее полученные кредиты зачитываются, и если к ним в рамках «дополнительного обучения»

А.П. Ефремов
Болонский процесс — вызов или технология?

присоединяются новые — из другого (но все же смежного) направления подготовки, то их обладатель может претендовать на получение соответствующей новой степени или квалификации. Понимая трудность этой проблемы — все опять сводится к содержанию обучения — европейские эксперты предлагают всем университетам четко сформулировать требования к выпускнику, или по-другому — требования к результатам обучения. Так, в несколько завуалированном виде, делается попытка подтолкнуть университеты к изучению содержания образования друг друга и, по возможности, к согласованию этого непростого вопроса.

Провозглашая начало Болонского процесса, министры образования стран-участниц возложили ответственность за его продвижение в своих странах на себя. Однако главная роль в этом движении вполне официально отводится университетам, которые, согласно признанным в Европе фундаментальным принципам так называемой Магна Хартии (1988 год), являются автономными учреждениями, независимыми от властных и экономических структур. По крайней мере, на бумаге. Имеется в виду, что никто не собирается силой заставлять университеты принимать участие в развернувшемся процессе. Это их частное дело (особенно если университет частный). Правительства же вовлеченных стран обязались, во-первых, уладить все формальные проблемы (на уровне законов, нормативных документов, разрешительных действий), а во-вторых, все же постараться стимулировать свои университеты идти в нужном направлении: реально и фактически формировать общеевропейское академическое пространство. Регулярно публикуемые отчеты комиссий по наблюдению за ходом Болонского процесса свидетельствуют о том, что правительства свои обещания выполняют, а университеты к их увещаниям прислушиваются.

«Болонья»
и отечество

За рассуждениями о европейских делах мы все же не забыли про вопрос, для нас, наверное, главный: нужен ли Болонский процесс России? Сторонники «великодержавной» точки зрения считают, что он нам абсолютно ни к чему. Мы самодостаточная страна с большим населением и всеми ресурсами, необходимыми для более или менее приличной жизни. У нас нет проблем с академической и гражданской мобильностью — спасибо унитарному советскому строю. Наше образование — лучшее в мире, и это подтверждают объективные показатели: число академиков и докторов наук на единицу населения в России существенно выше, чем в других странах. В таких условиях что-то менять, особенно в высшем образовании, представляется по меньшей мере легкомысленным. А если копнуть поглубже, то можно

разглядеть даже и намеренное вредительство. Вливаясь в академическую Европу, мы ничего не приобретем, но потерять можем многое: фундаментальность высшего образования, средства на реформы, высокое качество обучения. А главное, наши молодые профессионалы вместо честного труда по распределению ринутся на Запад и будут способствовать его расцвету, используя интеллект, за который заплатила Родина. Поэтому пусть Запад копается в своей копилке: меняет деньги, отменяет границы, торопится с образовательными реформами. А мы посмотрим, поучимся — поскольку умеем. И крепостное право по-европейски отменили, и революция у нас вроде похожая была, и капитализм развиваем в согласии с принятой народом конституцией. Придет время, и образование модернизируем, но уже без европейских ошибок. А пока Европа с Америкой столкнулись в очевидной конкуренции, нам полный резон внять мудрому совету Великого Кормчего и посидеть на горе, наблюдая, как тигр со слоном воюет.

Эта позиция понятна. Действительно, у нас много разных организационных проблем, зачем начинать с того, что и так вроде бы неплохо работает? Успеем с образованием-то — не мы, так наши внуки.

А вот последнее утверждение резко критикует другая категория соотечественников, и их тоже можно понять. Какие внуки? — нынче работать в университет и детей не загонишь. Не то что не престижно — но на вузовскую зарплату и не проживешь, и сумму произнести стыдно, даже в богатенькой Москве. Это очень серьезная проблема, хотя на первый взгляд она далека от основной темы обсуждения. Но только на первый взгляд. Сегодня средний возрастной разрыв между преподавателями и студентами составляет три-четыре десятка лет — такого в отечественной высшей школе не было никогда. Ректоры и деканы ломают головы и пишут программы привлечения молодых преподавателей, но в большинстве случаев это остается пустой тратой времени. А Болонский процесс мог бы, пусть частично, содействовать решению этой проблемы. В первую очередь психологически — оказывая давление на наше правительство, которому, во-первых, не стыдно так содержать своих профессоров, а во-вторых, предлагать по сто евро в месяц преподавателям, прибывающим к нам по европейской разнарядке. А таковая будет: заданный министрами стран-участниц вектор мобильности, в том числе профессоров, уже принят как руководство к действию. В их законопослушных странах, если начальство велело, то непременно сделают: уже сегодня некоторые университеты, например, Франции готовы к организации временной работы ино-

странных преподавателей. Отчитываться-то надо! И российские доценты туда попадут, заработают хоть что-то, потом вернутся домой — в соответствии с договором. К тому же, если честно, скучно долго жить в Европе, тогда как у нас с их деньгами — гораздо интереснее. Вот еще резерв для поддержания молодых.

Осторожным консерваторам возражают нетерпеливые реформаторы. Я, кстати, отнюдь не сторонник популярного мнения, что в данной дискуссии все норовят пролоббировать личные интересы. Не без этого, конечно, но я глубоко убежден, что и за отечество люди болеют. Просто разные они — по складу ума, по уровню информированности, по темпераменту, наконец. Так вот, категорические реформаторы, пожалуй, принадлежат к одному из крайних психологических типов. Думают быстро и действуют быстро. И жизнь проживают быстро, поэтому им не терпится. Они готовы сегодня же утром принять все меры, чтобы к вечеру оказаться в Европе «с головкой», т.е. вместе со всем нашим образованием. Меры предлагают наирадикальнейшие: в законе разрешить только двухуровневую систему, на специальности (инженерные, учительские, лечебные) пускать только через бакалавриат, содержания поменьше, экзаменов побольше, магистратуру и «специалитеты» обязательно лицензировать и аккредитовать. Учебные планы согласовать с европейскими и тем самым обеспечить всеобщую «гармонизацию систем высшего образования и признание дипломов». А неспособные все это вынести университеты — в разряд колледжей, а то и вообще сократить! И Европа довольна, и экономия налицо.

Идея понятна, критика ее очевидна. Но возражения, думается, должны быть не только такого рода: повредим университеты, «оборонку», среднюю школу и все, что подведомственно Минздраву. Дело в том, что даже если эти чапаевские меры узаконить, то реализовать их не получится: ни на среднечиновничьем, ни тем более на университетском уровне. Почему — на Руси объяснять не надо, причины найдутся. Но лучше все-таки такого не узаконивать, тем более, что никакой образовательной гармонии в Европе нет, а дипломы они друг у друга пока не слишком-то признают.

Что же России делать с этой «болонской проблемой»? Мы задаем этот вопрос и не отдаем себе отчета в том, что однозначного ответа не получается, потому что сам вопрос сформулирован неважно. Ну почему сразу всей России, великой и могучей? Раз уж мы входим в Болонский процесс, давайте внимательно читать его документы и следовать подходящим нам рекомендациям. А неподходящим не следовать. В документах ясно написано: правительство создает благоприятные условия, а университеты — автономные

и независимые — решают, как действовать. Подчеркиваю: правительство способствует, облегчает действия, служит университетам в продвижении Болонского процесса, а не выкручивает им руки, не сгибает их в три погибели, лишь бы показать, как верно и быстро оно исполняет свои обязательства перед партнерами. Я абсолютно уверен: нашей стране на всех ее уровнях нужно всемерно постараться, чтобы в этом объединяющем движении каждый российский университет нашел свой собственный путь, может быть, не похожий на путь других, чтобы он вплыл в общее течение со своей скоростью и своими особенностями. Будущую европейскую образовательную флотилию это только украсит. А если какой-то университет запоздает к установленному сроку — ничего страшного. Европа, если ей нужно, подождет. Хотя, конечно, нужно это не ей, а в первую очередь самому вузу — в этом у меня лично никаких сомнений нет.

Но зачем это нужно вузу? Ответ краткий, хотя и общий: чтобы стать современным. Это одновременно означает: высокотехнологичным в организации и управлении, тесно связанным с фундаментальной и прикладной наукой и/или с промышленностью, качественно обучающим студентов по понятным программам и выпускающим профессионалов с понятной квалификацией, имеющим широкие международные связи и здоровую, прозрачную экономику, удовлетворяющую запросы самого широкого круга граждан. И, как следствие, — востребованным, востребованным и еще раз востребованным людьми.

В споре с немецким профессором о роли образовательных стандартов я привел такой пример. В своих странах мы ездим на своих машинах (тут профессор улыбнулся); но когда пересекаем границы, большого дискомфорта в смысле вождения не испытываем. Потому что правила дорожного движения и знаки почти везде одинаковые. Разные машины, разные скорости, разное топливо и, конечно, разные водители — но правила те же, и это очень удобно. Мы в России ПДД не придумывали, мы их переняли. И мир для нас непомерно расширился. А вот ширина нашей железнодорожной колеи отличается от общеевропейской, и поэтому наши вагонные тележки с тоской глядят вслед уплывающим на запад веселым вагонам с запасных путей в Бресте или Чопе.

Что нужно российскому вузу, чтобы быть в процессе

Российская академическая общественность не заметила ни Сорбоннской декларации, ни подписанной через год после нее Болонской. Пущенная коварными европейскими мудрецами в наш непотопляемый образовательный крейсер торпеда, так сказать, про-

шла мимо. Опомнились только с наступлением третьего тысячелетия. Как и положено в России, первыми спохватились высшие руководители. Последовала раздача установок, кому и что делать, начались совещания в министерствах и ведомствах, назначили «болонские» рабочие группы, дошло и до университетов. В отличие от Европы, где «низы» — университеты — по собственной инициативе записали в Магна Хартии, что они выступают за расширение академической мобильности, за общие действия по определению званий и степеней, а уж потом эти лозунги подхватили их правительства, Болонский процесс в Россию вошел «сверху».

Мне посчастливилось участвовать в первом заседании рабочей группы, собранной заместителем министра образования В. Шадриковым в марте 2001 года. Совершенно новая тема при ближайшем рассмотрении оказалась очень интересной, а главное, полезной для моего университета, где обучаются тысячи студентов из разных стран. Многие из них еще десятки лет назад просили выдавать им такие выпускные документы, которые свидетельствовали бы о том, что уровень их образования — не ниже магистерского. По этой причине в 1989 году для Университета дружбы народов сделали исключение и приказом министра Г.А. Ягодина разрешили ввести двухуровневую систему: бакалавр и магистр. Еще через четыре года это положение было внесено в закон о высшем образовании. Таким образом, одно из главных требований Болонского процесса у нас уже было удовлетворено задолго до того, как он возник в проекте. Хочется еще раз акцентировать внимание на том, что предоставление законом возможности обучения по многоуровневой системе — это и необходимое, и достаточное условие. Главная цель Болонского процесса — предоставить студентам режим наибольшего благоприятствования для получения профессии, дать им максимально широкие возможности для выбора своего образовательного пути. Поэтому ни в коем случае не следует отбирать у них прописанное в законе право учиться по линии дипломированных специалистов. Лишение такой возможности не в духе Болонской декларации, плохо для студентов, университетов, вредно для страны. В ближайшие десять лет уж точно.

Удовлетворить другое «болонское» требование — о введении общих степеней и квалификаций — для России представляется несложным. В законе уже названы степени бакалавра и магистра. Остается проблема с третьим уровнем обучения и докторской степенью. Несмотря на все жаркие дискуссии по этому поводу, решение может быть очень простым. Суть подготовки европейского «доктора философии» хорошо известна. Третий «болонский» уровень (заявленный,

впрочем, как самостоятельный цикл только в 2003 году в Берлине) весьма схож с нашей аспирантурой, и ее выпускников, успешно защитивших диссертацию, ничто не мешает называть докторами философии. Хотя, конечно, для слуха доктора наук степень его младшего коллеги «кандидат» звучит приятнее. А что же делать со степенью самого доктора наук? Да ничего, пусть она остается, но только — для внутреннего российского пользования, так же как диплом специалиста — инженера или врача. Не просматривается никаких антагонистических противоречий в том, что международные трудовые и образовательные связи (и вне России, и на ее территории) будут подчинены только законам общеевропейского академического пространства, а сугубо внутренние потребности удовлетворяться совместно — и «болонской» системой образования, и прежней «советской», как это в значительной степени имеет место сегодня.

Кстати, о врачах. Напомню, что в Болонской декларации первый уровень высшего образования нигде не именуется «бакалавриат»; этот уровень назван другим словом — «undergraduate», перевести которое можно как «предвыпускной» или — более свободно, но точно — «квалификационный». На Западе отучившиеся 6 (или более) лет выпускники медицинских факультетов допускаются к врачебной практике только после прохождения интернатуры, которая длится не менее одного года. Эта форма врачебной подготовки уже практикуется и у нас, но более традиционной и общепринятой является, конечно, ординатура, как правило, двухлетняя, где врачи общего профиля приобретают узкую специализацию. Таким образом, налицо натуральная двухуровневая схема подготовки врачей, только названия уровней другие. Но термины вторичны, если верна и понятна суть. Скажут: а как быть со сроками — первый уровень ассоциируется с трехлетним обучением, а квалификацию врача можно получить только за шесть лет? Напоминаю, что в «болонских» документах оговорен минимальный срок обучения на данном уровне. Меньше учиться нельзя (разрешается лишь гениям), больше — пожалуйста!

Самое коварное для российского вуза — третье требование: поменять «часы» на «кредиты». Но и здесь возможны по крайней мере два пути. Первый — путь наименьшего действия. Он состоит только в российской маскировке «под складки европейской местности». Вуз формально вводит систему кредитов, лучше всего ECTS. Это означает, что число кредитов указывается в каталогах учебных курсов, договорах со студентами, академических справках, приложениях к диплому. Принимается также европейская система оценок контроля знаний. На крайний случай можно составить типовые индивидуальные

А.П. Ефремов
Болонский процесс — вызов или технология?

планы обучения на каждый год и убедить студента в том, что другие варианты невозможны. И все. Третье требование выполнено. Но если студента из СНГ это устроит, то у британца, захавшего к нам поучиться восточноевропейской истории, вызовет резкий протест. Он непременно пожелает оценить свободу выбора дисциплин в рамках направления «история», и если предложенная свобода его не удовлетворит, соберет чемодан и уедет. Например, в Тарту, благо недалеко, «история» почти та же, а честные эстонцы, несмотря на приписываемый им имидж, уже успели выстроить обучение строго «по-болонски». Уедет, скажем мы, ну и... Да, но он уедет вместе со своими деньгами. И не только. Еще он увезет с собой нелестное мнение об этом университете и передаст друзьям и знакомым, что с ним лучше не связываться — потеря денег, времени и нервов. Если руководство вуза такая ситуация волнует, то неизбежен второй путь введения кредитов. Наш университет пошел по этому нелегкому пути.

РУДН и Болонский процесс. Введение системы кредитов как стратегическая цель

Университет дружбы народов — традиционно международный вуз, его преподаватели и сотрудники ездили по университетам мира и представление о сложности проблемы имели. Поэтому введение системы кредитов формулировалось как серьезная стратегическая цель. Опыт решения подобных стратегических задач — сложнейших, общеуниверситетского масштаба, вовлекающих практически все структуры и огромный коллектив — также имелся.

В годы урезания бюджетных денег и финансовых кризисов мы придумали и внедрили такую организационно-экономическую систему, которая автоматически — и реально — стимулировала каждого преподавателя и работника администрации максимально оптимизировать учебный процесс, при этом сохраняя и даже повышая основные показатели качества обучения. Эта успешно внедренная системная разработка имела своим следствием достижение первой стратегической цели: университет прошел тяжелое постсоветское десятилетие, не «выживая», а интенсивно развиваясь. Более чем удвоилось число направлений и специальностей, в несколько раз увеличился контингент студентов. При этом университет полностью сохранил квалифицированный преподавательский корпус и сегодня имеет возможность выбирать лучших профессоров из числа желающих здесь поработать¹.

Успешное решение проблемы оптимизации имело своим следствием также систематизацию всей финансово-экономической

¹ Сущность и история реализации этой первой стратегической программы подробно изложена в книге: А.П. Ефремов. Экономика и оптимизация учебного процесса. М., МГУП, 1999.

деятельности университета. Это в свою очередь позволило планировать и решать вопросы расширения и улучшения материально-технической базы обучения. Мне довелось принять живое участие в разработке и реализации плана по достижению второй стратегической цели: создать в университете единую, современную, мощную и хорошо защищенную информационно-телекоммуникационную сеть. За четыре года эта цель была достигнута: разрозненные и незащищенные, возникавшие полустихийно и слабые сети отдельных подразделений заменила общеуниверситетская мощная (гигабитная) сеть с централизованным управлением и защитой, был обеспечен широкий доступ в Интернет, создана электронная библиотека и университетский учебный портал.

Обо всем этом можно было бы не упоминать, но результаты этих успешных проектов оказались чрезвычайно полезными, скорее даже необходимыми, для реализации третьей стратегической цели — вхождения в европейское академическое пространство. Детальное знание экономических нюансов учебного процесса позволило выстроить экономику в системе кредитов, а наличие развитой, надежной и доступной телекоммуникационной структуры дало возможность существенно облегчить технологию организационной работы и модернизировать сам процесс обучения. Но самое главное — работая над этими программами, мы научились реально планировать и аккуратно выполнять планы. Сложился и успешный творческий коллектив.

Стратегический план был составлен и действует. Не углубляясь в детали разработки, скажу только, что на первом этапе был изучен опыт других стран, в первую очередь британской группы. Затем в качестве базовой была принята к внедрению рекомендованная «болонскими» документами система ECTS, однако для нее сразу были определены не столько переводные (для России ничего не значащие), сколько накопительные функции. Имея перед глазами все выложенные на сайте Еврокомиссии формы документов ECTS, было нетрудно составить аналогичные формы на русском языке, не забывая при этом учесть наши особенности. Параллельно о новой системе постепенно информировалась университетская общественность, в первую очередь преподаватели. Были сделаны сообщения на ученых советах и учебно-методических комиссиях. Скажем прямо, к новым веяниям общественность отнеслась скептически, если не подозрительно. Но у администрации, предлагающей реформы, был определенный кредит доверия: обещанное при обсуждении системы оптимизации заметное увеличение преподавательских зарплат после ее внедрения не только произошло, но и

А.П. Ефремов
Болонский процесс — вызов или технология?

методично и предсказуемо продолжилось. Поэтому была надежда, что призыв к новациям вновь будет услышан, тем более что в них уже просматривался новый эффективный экономический механизм. Вся эта подготовительная работа была завершена к концу 2001 года.

Проблемы технологии и попытки решений

Второй этап был одним из самых сложных и длился полтора года. Это время ушло на разработку и адекватное описание технологии организации процесса обучения с применением системы кредитов. Разрабатывалось и было создано «Положение о введении системы кредитов в РУДН». Это был действительно творческий процесс, потому что в вопросах технологии «Запад для России вовсе не пример». Зарубежные образцы годятся только как канва, по которой приходится вышивать нашим замысловатым российским крестом. Главное — вписать в новый процесс уже существующие структурные подразделения, которые обеспечивают действующую схему организации обучения. А у нас эта схема совсем не британская, а прусская.

Ввел ее Вильгельм Гумбольдт в Берлинском университете в начале XIX века. Принятая в России еще при царизме, эта система благополучно пережила все революции и войны. Конечно, за столетия она претерпела национальную притирку, и теперь мы с гордостью считаем ее своей. Но в Германии и в Австрии и поныне системы обучения похожи на нашу. В них студенту сделать шаг вправо или влево очень трудно. Он поступает на первый курс, смотрит расписание занятий и идет в аудиторию учиться. Никто его не спрашивает, хорош ли учебный план, нужна ли ему культурология или социология. В гумбольдтовской схеме студента в начале пути ставят на рельсы, сообщают ему необходимый импульс, и он катится по этим рельсам до выпуска. Легкое разветвление в виде специализации наблюдается в конце пути. Но и там, если честно, выбора особенного нет, поскольку декану или заведующему кафедрой нужно загрузить всех преподавателей. И студенту, привыкшему к подчинению, строго указывают, к кому идти писать диплом. Бывает, наверное, и иначе, но во многом правда жизни такова. Акцент обучения в этой схеме делается на аудиторные занятия, посещение которых тщательно учитывается. Знаем, что не без основания: самостоятельную работу проконтролировать трудно, а то, что школяры в массе своей нерадивы и ленивы, подразумевается имманентно. Этому мнению, а зачастую и состоянию вещей, кстати, весьма способствует система контроля знаний. Кому из нас неизвестно, что «сессия всего два раза в год» и как можно жить от одного контрольного

периода до второго? Притом форма организации контроля знаний такова, что оценка успеваемости зависит не столько от трудов студента, сколько от множества различных обстоятельств, из которых утреннее настроение профессора — не последний фактор. А сегодня настроение хуже некуда: инфляции, дефолты...

В «болонской» — читай «британской» — схеме многое иначе. Только аудиторные занятия похожи. А в остальном — студент, как участник процесса обучения, реально выбирающий свой образовательный путь, в полной мере за него и отвечает. И за посещение занятий, и за внеаудиторную работу. Ему дали возможность, предоставили условия — учишься! Не хочешь, не получается — попробуй что-то другое. Для успешного освоения программы студент просто обязан много времени посвящать учебе, и не только в аудитории. Поскольку дипломированные неучи на Западе не нужны, университет осуществляет частый и жесткий контроль. Сроки и вид такого рубежного контроля заранее строго установлены, так же как и количество баллов, которое на этом рубеже можно набрать по каждой дисциплине. Объявив эти правила балльно-рейтинговой системы в начале курса, преподаватель уже не вправе их менять по ходу обучения. В частности потому, что студент, набирая баллы в течение семестра, тем самым формирует конечную оценку освоения объема знаний. И получает ее не во время скоротечной сессии, а планомерно в течение семестра. Если качественная оценка знаний в результате прохождения курса оказывается положительной, то студенту и зачитываются кредиты (факт успешного прослушивания курса), и указывается, как успешно он знания освоил (т.е. ставится та самая положительная отметка). В случае же неудовлетворительной оценки, кредиты данной дисциплины не зачитываются.

Что делать, если студент недополучил 3–4 кредита из тех 30, которые он «взял» на текущий семестр? Можно ли просто разрешить ему «пересдачу», нужно ли организовывать для него дополнительные занятия (и за чей счет), или нужно его отчислять, ориентировать на повтор курса? При каких условиях отчисление неизбежно, кто и на основании чего принимает решение, что именно должен повторять неуспевающий студент — все эти вопросы в рамках жесткой технологии рубежного контроля и балльно-рейтинговых систем оказываются первостепенными. Чисто западные правила и нормы, тупо, без разъяснения и адаптации перенесенные на российскую почву, ничего, кроме «картофельных бунтов» и иного вреда, не принесут. Тем более, когда эти правила касаются студенческих судеб и, что немаловажно, денег. Все эти тонкие моменты были тщательно продуманы и изложены в первой редакции

«Положения о системе кредитов»; позже, на основе практического опыта, некоторые пункты раздела об успеваемости и статусе студента пришлось корректировать. Здесь нет возможности вдаваться в детали, стоит только заметить, что в разделе о статусе студента — как и во всех других разделах — существенным образом были учтены традиции российской высшей школы.

Другие, чисто организационные сложности возникли при описании в «Положении о системе кредитов» (и при дальнейшей реализации) самой процедуры записи студентов на дисциплины и выбора кредитов на следующий период обучения. Если составление форм-шаблонов, определение места записи, назначение ответственных лиц и даже создание сетевой компьютерной программы были делом трудоемким, но прозрачным, то установление сроков записи поставило перед разработчиками знак вопроса. Понятно, что в процедуре записи на кредиты вновь поступившие студенты и студенты старших курсов находятся в неравных условиях. Ветераны все уже знают (или так думают), и у них есть время для выбора; новичкам, наоборот, требуются разъяснения, и если занятия начинаются с 1 сентября, то времени для записи на кредиты у них практически нет. Значит, о системе кредитов нужно информировать абитуриентов, а в начале семестра выделять время на запись. Информацию обо всем этом, конечно, следует разместить на стендах приемной комиссии, деканата факультета, на сайте университета. Можно написать об этом и в университетской газете.

Но одно дело прочитать написанное, другое — разобраться в сути дела. Далеко не все сотрудники деканатов, и тем более преподаватели, знают все детали, хотя для них ректорат организовал учебу. Поэтому в «Положение о системе кредитов» был введен специальный раздел о службе академических консультантов — тьюторов; в дальнейшем такие службы на факультетах были реально созданы. Тьютор курирует одно или несколько направлений подготовки бакалавров и магистров, и он обязан знать абсолютно все об их академической специфике. В функциональные обязанности тьютора входит всестороннее содействие студентам в их учебной жизни. Он помогает оптимизировать образовательные траектории в целом, при необходимости участвует в их коррекции, дает советы по выбору конкретных курсов, отслеживает соблюдение правил рубежного контроля — в идеале, он является представителем интересов студента на факультете, его помощником и защитником. Должность тьютора в факультетской иерархии соответствует уровню должности заместителя декана, зарплата должна быть соответственной.

Итак, студент самостоятельно или с помощью тьютора осуществляет выбор дисциплин на грядущий учебный год. Но свобода выбора, конечно, должна быть рационально обоснованной. С одной стороны, студент должен освоить все знания, получить те навыки и умения, которые необходимы для его будущего профессионального уровня, а с другой, как уже было упомянуто, сам процесс обучения должен быть для студента привлекателен: нужен, интересен и удобен. Иными словами, нынешние слишком жесткие учебные планы должны постепенно уступить место более гибким, учитывающим интересы студента. Для достижения этой цели нет ничего проще, чем предложить самому студенту сформировать его индивидуальный учебный план на очередной семестр. Собственно, в этом и состоит суть записи на кредиты. Но при этом должны быть определены строгие рамки свободы выбора. Этому посвящен один из важнейших разделов «Положения о системе кредитов». Основная идея состоит в том, что содержание образования, утвержденное действующими государственными образовательными стандартами, в новой схеме не затрагивается. Но меняется форма — в полном согласии с главной идеей «болонских» технологий. Из всего множества дисциплин нынешнего стандарта для конкретного направления выбираются те, которые изучать следует строго обязательно и последовательно. Это — стержень, «железное ядро» будущей специальности. Хочет того студент или нет, он обязан эти дисциплины вписать в свой учебный план в надлежащем порядке. Дисциплины второй группы тоже обязательны, но «проходить» их можно в произвольном порядке, как лучше — посоветует тьютор. Наконец, третья группа содержит лишь «элективы» — те дисциплины, которые факультет предлагает, но может и не читать, если их не выберут. Тщательный анализ учебных планов, подготовленных к внедрению системы кредитов, показал, что строго обязательные дисциплины могут составлять 50–60% всего объема кредитов учебного плана. Понятно, что такая степень свободы не согласуется со структурой учебных планов действующих образовательных стандартов. Поэтому для того, чтобы процесс внедрения кредитов шел на «законных основаниях» и в период аккредитационных мероприятий не возникало претензий, для группы университетов, вошедших в «болонский» эксперимент, Министерством образования был издан соответствующий разрешительный приказ.

В этом месте группа разработчиков задумалась. Мы же знаем, в какой замечательной стране живем! Сегодня есть разрешительный приказ, завтра вполне может появиться запретительный. А образование инерционно и консервативно, люди учатся много лет.

Они-то уж никак не должны пострадать из-за смены курса, если таковая нас вдруг накроет. И выход был найден, имя ему — индивидуальный типовой учебный план. С одной стороны, ориентир для выбора студента, с другой — инструмент возврата на старые рельсы. Типовой план по содержанию ничем не отличается от того, который деканат и учебно-методическое управление составляют на очередной учебный год. В новой схеме студент имеет право внести в него допустимые изменения. Но если все же прозвучит команда отступить, к типовому плану вернуться все. Студенты, может, и поворчат, а деканаты вздохнут с облегчением: организовать обучение по старой схеме легче и привычнее.

Итак, суть новой схемы описана, действия, обязанности, свободы студентов и администрации сформулированы. А есть ли что-нибудь новое для преподавателей? Хотя написать можно было много, сведения об этой деликатной сфере в «Положении» минимизированы. Во-первых, потому, что преподаватели — это золотой фонд любого вуза, и их нужно беречь. Им нужно платить приличные деньги, предоставить все возможности для творческой педагогической и научной работы и ни в коем случае не нервировать частыми административными инициативами и инновациями. Поэтому в «Положении о кредитах» описаны хорошо всем знакомые виды педагогической деятельности. Отмечается только необходимость обновления методических материалов и пожелание более интенсивного внедрения информационных технологий в учебный процесс — для экономии аудиторного времени (и как безусловная дань моде). Еще говорится о том, что если на предложенную обязательную дисциплину запишется мало студентов (указано сколько), то дисциплина в этом семестре не открывается. Наоборот, если на дисциплину запишется слишком много студентов для одного квалифицированного преподавателя, то тем студентам, которые записались позже, деканат обязан предоставить второго преподавателя аналогичной квалификации. Вот, собственно, и все, что касается преподавателей.

Однако вуз — собрание высоких умов. Уже в первом чтении «Положения» на ученом совете университета был задан вопрос о том, не пойдет ли речь о персональном выборе преподавателей студентами. Вопрос был в точку, поскольку речь именно об этом скоро и пойдет. В контрольном списке содержания каталога курсов, предлагаемого университетом, имеющим европейскую марку ECTS, в разделе «Описание отдельного курса (дисциплины)» прямо указывается пункт: фамилия преподавателя. Это означает, что в свой индивидуальный учебный план студент имеет право вписать не только

наименование дисциплины, но и фамилию профессора. И это касается дисциплин любой — обязательной или необязательной — группы. Выбор преподавателя — вот один из сильнейших ходов по участию студента в организации учебного процесса, по реализации лозунга: студент — клиент. Скажут: студенты выберут того, кто не ставит двоек. Сомнительно. Во-первых, суровые правила рубежного контроля весьма способствуют объективизации оценки знаний, а во-вторых, наша милая сердцу традиция вытягивания троечников «за уши», сильная еще у советских душой родителей, в молодежной среде уступает место рациональным соображениям и здоровой конкуренции. Когда учишься водить машину, а тем более самолет, лучше, чтобы инструктор был знающий, строгий и непьющий. Нам в России теперь дипломированные неучи и неумехи тоже не нужны, хотя и меньше, чем в Европе. Потому что мы добрее. Поэтому в нашем «Положении о кредитах» возможность персонального выбора преподавателей студентами содержится в неявной форме, а на практике в ближайшие годы никто не допустит, чтобы кто-то из профессоров или доцентов вдруг оказался без работы потому, что его не выбрали ничего не понимающие мальчишки и девчонки. Для демпфирования случайных отклонений есть и средства, и механизмы. Но будущее приходится предвидеть. Поэтому на очередном заседании ученого совета университета, где обсуждались детали внедрения системы кредитов, ректорату и главному юрисконсульту поручили разработать комплект нормативных документов, касающихся кадрового обеспечения учебного процесса в рамках «болонской схемы».

Нельзя не сказать несколько слов об экономической стороне проблемы, тем более, что в этом ракурсе она оказывается многогранной. Во что обходится инновация? Что происходит с зарплатами преподавателей? Как теперь расплачиваются с университетом студенты-контрактники? На каждый из этих вопросов можно дать очень лаконичный ответ: нововведение обошлось даром, зарплата ППС увеличилась, контрактники платят, как и прежде — за год. Но кое-что, наверное, стоит пояснить подробно. Никаких специальных денег на разработку и внедрение не только не планировалось — их просто не было. Университет интенсивно развивал материальную базу и преодолевал гигантские проблемы форс-мажора. Поэтому вся теоретическая работа являлась общественной, хотя вернее было бы трактовать ее как исполнение функциональных обязанностей; лишь на заключительном этапе творческая группа была материально, хотя и скромно, поддержана по линии двух научных программ — отечественной и зарубежной. Процедура собственно внедрения также не оказалась слиш-

ком затратной, и факультеты сами решили все вопросы с разработчиками компьютерных программ записи на кредиты и учета успеваемости.

Зарплата ППС возросла по двум причинам. Первая — потому что в целях стимулирования педагогической работы в новых условиях фонд заработной платы вовлеченных преподавателей был незначительно увеличен. Благодаря действующей в РУДН системе оптимизации, сделать это очень просто. На определенный — небольшой — процент увеличивается так называемая «база» — сумма денег, идущих в заработную плату преподавателей за одного студента в год. В рамках системы оптимизации деньги, начисляемые в зарплату за всех студентов, суммируются и затем делятся пропорционально долям учебной трудоемкости между кафедрами. И кафедра затем решает, как справедливо этот фонд зарплаты разделить между преподавателями. Стоит заметить, что в этой экономически очень эффективной схеме определяется также число необходимых расчетных ставок ППС, после чего легко подсчитать среднюю зарплату на одну расчетную ставку. В системе кредитов расчет другой. Зная базу и число кредитов, можно сразу подсчитать, сколько «зарплатных» денег «стоит» один кредит. А поскольку каждый конкретный студент точно указывает, на какую дисциплину он записывается (да еще и преподавателя укажет), то сразу и точно известно, на какую кафедру и к какому преподавателю в зарплату попадут деньги за его кредиты. Прямая, абсолютно прозрачная и сверхсправедливая схема. А в силу того, что сотрудники деканата обязаны формировать учебные группы и потоки целевым образом, ориентируясь на конкретных преподавателей, число расчетных ставок в этом случае оказывается в точности равным числу фактических ставок ППС, и средняя зарплата на одну ставку оказывается заметно выше.

И последний экономический вопрос: почему студент, обучающийся не по линии бюджетного финансирования, а по договору, платит за год? Ответ: по сложившейся традиции и для удобства бухгалтерии. В будущем эта ситуация изменится, и студенты будут оплачивать обучение за каждый кредит, как и в других странах, где аналогичные системы приняты. И в публикуемом каталоге курсов будет указана цена кредитов по всем курсам. Это удобно и университету, и студентам, способствует академической мобильности и расширению практики включенного обучения — т.е. всецело соответствует духу и букве Болонского процесса. К тому же двоечнику при повторе обучения нужно будет платить не за весь курс, а только за те кредиты, которые он недобрал.

Внедрение:
два факультета,
две политики

Второй этап реализации стратегической цели завершился в 2003 году. Все было готово к внедрению. Но прежде чем пустить механизм в действие, следовало получить объективную оценку и критику знающих людей. Реакция большинства российских коллег, озвученная на нескольких широких совещаниях и семинарах по этой тематике, в основном являла собой либо отстраненный скепсис, либо живой интерес. Было много вопросов, но не конструктивной критики. Тогда мы обратились к коллегам, уже давно вовлеченным в процесс академического объединения, — к представителям европейских и североамериканских университетов. На серьезных международных семинарах удалось сделать несколько развернутых сообщений о том, что и как мы собираемся сделать в ближайшее время. К нашему глубокому изумлению, ситуация оказалась весьма схожей с той, какую мы имели дома. Часть слушателей хранила глубокомысленное молчание, другие — представители центральной и северной Европы — проявили очевидный интерес к обмену опытом — и публично, и тем более в кулуарах. Поскольку наш опыт был лишь скромно теоретическим, мы обещали быть более открытыми к сотрудничеству после наработки практического материала. Стало понятно, что тематика действительно неординарна и нова, так что, удовлетвовавшись соображениями собственной полноценности, мы начали эксперимент.

В первых строчках «Положения» мы записали, что решение о переходе на систему кредитов принимает ученый совет факультета. Таким образом, отдавалась дань автономии на университетском уровне. Но и не только: ведь всякая инновация — это еще опасность и ответственность, поэтому переходить на систему кредитов в рамках всего университета было бы чистой авантюрой. Вместе с тем желательно, чтобы в эксперименте участвовали разные группы специальностей — и гуманитарной, и естественно-научной направленности. После переговоров на внедрение новой системы согласились факультет гуманитарных и социальных наук и экологический факультет. По оговоренным условиям система кредитов вводилась только на нескольких направлениях подготовки бакалавров и только с первого курса.

Факультеты, вошедшие в эксперимент, очень разные: и по числу студентов («гуманитариев» существенно больше), и по лабораторной базе, и по стилю руководства, и даже территориально они друг от друга далеко. Но начало работы у них было схожее: изменить структуру учебных планов, подготовить необходимые документы и информацию для первокурсников. На оба факультета были выделены ставки тьюторов. На этом сходство действий кончилось. Гума-

нитарный факультет быстро разработал и запустил автоматизированную программу записи на кредиты и учета успеваемости. Экологи остановились на «бумажном» варианте записи. Гуманитарии лишь слегка изменили структуру типового плана, но сильно видоизменили график учебного процесса. Экологи график оставили прежним, но творчески переработали учебный план, проведя тщательный корреляционный анализ дисциплин. На гуманитарном факультете разработали такие балльно-рейтинговые системы, которые позволяли отказаться от экзаменационных сессий вообще. На экологическом — экзамены вошли в структуру рубежного контроля.

Наступил день икс: в начале сентября 2003 года первокурсники двух факультетов приступили к составлению своих учебных планов. Одни — в компьютерных классах, другие — в аудитории за столом. Из 250 студентов гуманитарного факультета 80% выбрали разные учебные планы. Совещались три дня — с родителями, с тьютором, между собой. Из 70 студентов экологического факультета 100% выбрали типовой план в течение одного часа. Совещались с заместителем декана и тьютором.

В течение 10 дней работники деканата на гуманитарном факультете мучались над составлением расписания занятий; в это время студентам в больших аудиториях читали установочные лекции обязательных дисциплин. Только в середине сентября начались занятия в семинарских, языковых и лабораторных группах. Но поскольку экзаменационной сессии как таковой нет, стандартный учебный процесс продолжался до середины января. На экологическом факультете на следующий день после записи студенты пришли в аудитории и учились весь семестр по расписанию занятий, составленному летом. На сессию ушли вовремя и экзамены сдавали, как обычно. Во втором семестре ситуация в точности повторилась. Один к одному она повторилась и в сентябре 2004 года, когда на факультеты пришли первокурсники, а студенты, уже обучающиеся по «болонской» схеме, перешли на II курс.

Каждый факультет в эксперименте избрал свою политику и пока что настойчиво ее проводит. Есть ли возражения? Очевидных нет. Более формальный подход экологов можно понять. Большая доля лабораторных работ в этой специальности, где среди дисциплин и физика, и химия, и биология, а также тот факт, что часть занятий приходится вести на других факультетах, вынуждает деканат влиять на максимальную унификацию индивидуальных учебных планов студентов. На старших курсах, когда основные общепрофессиональные и специальные дисциплины будут проводиться на базе собственных лабораторий, возможна вариативность планов

и большая степень свободы выбора. Но внешне студенты-экологи обучаются так же, как их ровесники в Англии. И они могут поехать туда, отучиться семестр или год, вернуться назад и продолжить обучение дома. И те курсы, которые студент изучил за границей, ему зачтут — либо в группе обязательных дисциплин, либо в группе элективов — и при выпуске впишут в приложение к диплому, указав соответствующую трудоемкость в кредитах. То же с легкостью может сделать и английский студент, если рискнет попробовать учиться экологии на русском языке.

Организация же обучения на первых двух курсах факультета гуманитарных и социальных наук сегодня ничем не отличается от того, что требует Болонский процесс. Опыт этого факультета высветил для такой формы обучения и сложности, скорее организационные, и выгоды — многие, в том числе экономические.

Наибольшая сложность возникла в связи с кафедральным делением, традиционным для высшей школы гумбольдтовского типа. При составлении учебных планов и расписания занятий деканат оказался перед фактом наличия большого числа «одинаковых» кафедр: с десятков кафедр экономики, столько же — права, несколько математических, экологических, и это не весь список. В новой схеме ничто не мешает каждой из этих кафедр предложить свои, может быть, совсем неплохие курсы — по понятной причине: к ним придут студенты со своими деньгами. Но эти кафедры расположены на разных факультетах, разбросаны территориально, что очень неудобно. Кроме того, декану, организующему обучение, приходится дипломатично учитывать множество просьб и пожеланий со стороны заинтересованных заведующих кафедрами — тоже по понятным причинам. Все это, во-первых, приводит к ограничению возможностей выбора, а во-вторых, к тому, что некоторые кафедры будут экономически успешными, а другие могут оказаться без работы. И тут наступает время административной революции, о которой говорилось выше. Похожие кафедры придется объединять в департаменты, директора которых не обязательно должны быть выдающимися учеными, но непременно хорошими менеджерами. Скорее всего, этот процесс пойдет не скоро и, будем надеяться, все же эволюционно, без ломки через колено. Но декан нашего гуманитарного факультета об этом уже задумывается.

Что же касается неоспоримых выгод, то одной из таковых стало проявление заметного интереса к РУДН со стороны многих зарубежных университетов, в том числе европейских. Среди многочисленных договоров о сотрудничестве выделяется один — с французским университетом Бордо-4 им. Монтескье. По этому

А.П. Ефремов
Болонский процесс — вызов или технология?

договору университеты признают эквивалентность магистерских программ по направлению «Политология» и определяют льготные условия для обучения российских магистрантов в Бордо, а французских — в Москве. Теперь каждый год создается смешанная группа студентов, которая один год обучается в институте Сьянс Политик университета Бордо-4 на французском языке, а другой — на гумсоце РУДН, на русском. И с той, и с другой стороны заметен сильнейший интерес студентов к расширению этой практики «пилотной мобильности». Усилия к тому прилагаются: российские и французские профессора в контакте не только по электронной почте, но регулярно встречаются то в Аквитании, то в Москве. В состав государственной аттестационной комиссии, которая будет испытывать знания магистров, обучавшихся по общей программе, предполагается включить представителей и России, и Франции. По взаимной договоренности первая итоговая аттестация магистров-политологов состоится в июне 2005 года в Москве, в Российском университете дружбы народов.

Наш университет не быстро, но настойчиво и с пониманием дела входит в европейское академическое пространство. Пока получается.